

Диалог в науке и обществе. БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ ТРАДИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Автор: И. Г. ЯКОВЕНКО

Статья 1

Формируя обобщающие понятия и познавательные схемы, описывающие сложные и многозначные сущности, мы с необходимостью генерализуем тенденции, создаем модели, более или менее *гомоморфные*, но не *изоморфные*, сложной и внутренне противоречивой реальности. Добросовестный исследователь, работая с крупными идеальными моделями, неизбежно сталкивается с тем, что реальность, описываемая ими, сложнее и внутренне противоречивее, нежели научные представления о ней. В таких случаях масса фактов, процессов и тенденций не вписывается в схему или даже противоречит генерализующим суждениям. Поэтому теоретическая мысль пребывает во внутренне противоречивом диалектическом процессе: с одной стороны, она стремится обобщать безграничное многообразие мира, формируя мощные познавательные категории, с другой - дробит эти целостности, выделяя в них отдельные тенденции, процессы и феномены. Меняя точку зрения, задающую познавательную позицию и уровень абстрагирования, можно сформировать понятийный аппарат, способный описать мир в его внутреннем единстве и противоречивом многообразии.

Все это имеет прямое отношение к анализу феномена культуры. Понимание культуры как целостности - одно из достижений познающего сознания. Осмысливая законы возникновения, формирования, развития культуры, мы постигаем мир. Вместе с тем культура человечества, как и всякая конкретная локальная культура, представляет собой сложнейшее системное единство, в котором присутствуют субъекты и акторы самого разного порядка, реализуются противоречивые тенденции, происходят сложнейшие взаимодействия между разными элементами и уровнями целого. Последние особым, присущим только им образом взаимодействуют с их социальным и природным контекстом. И только в диалектике всех этих взаимосвязей выстраивается результирующая линия развития культуры.

Предмет моего исследования - восходящая к античному миру культура западной ойкумены, складывающаяся на рубеже нашей эры и со временем обретающая номинацию "христианского мира". О том, что культура представляет собой внутренне противоречивое единство, с разными пластами и уровнями, говорилось достаточно. Применительно к российскому материалу об этом писал, например, А. Герцен. Люди старшего поколения помнят развернутую цитату В. Ульянова-Ленина о двух культурах эксплуатируемых и эксплуататоров, постоянно присутствующих в культуре классового общества. Замечу, что сложившаяся традиция, как правило, делит культуру на два блока или выделяет в

Яковенко Игорь Григорьевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

ней два полюса. Тетрарные схемы представлены значительно реже. Культуру можно дихотомически разделять по нескольким основаниям. Например, по основанию урбанизации - на городскую и сельскую; в стадийном отношении - на догосударственную и культуру общества, создавшего государство и вошедшего в цивилизацию; по признаку профессионализации - на профессиональную, основанную на разделении труда, и синкретически целостную народную культуру. Углубленный анализ феноменологии европейской культуры, разворачивавшейся на протяжении двух тысячелетий, дает еще одно существенное, на мой взгляд, основание для понимания проблем самого разного уровня, затрагивающих как логику эволюции европейской цивилизации, так и современные культурные процессы. Речь идет о вычленении в целостности европейской культуры двух самостоятельных потоков: доминирующего и альтернативного последнему субдоминантного. Разговор об этих сущностях требует развернутого историко-культурного захода.

Формирование христианской цивилизации и возникновение малой традиции культуры

Процессы становления христианства и формирования христианской цивилизации разворачивались на пространствах Римской империи и тяготеющей к ней "варварской" периферии. Это был огромный мир, не только полностью поглотивший Средиземноморье, но и выходявший к Атлантике, захватывавший Британию, граничивший с арабскими племенами и регионом доминирования персидской культуры. Полиэтническое римское общество включало в себя массы частью эллинизированного, частью романизованного населения, пестрого и разнообразного этнически, стадийно и культурно. Оно базировалось на богатейшей культуре греко-римской античности. Сверх того зрелое римское общество ассимилировало широкие пласты культуры народов, оказавшихся под властью империи, а также устойчиво контактировавших с римским миром. В универсуме позднего Рима исходно греческий мистериальный культ Диониса соседствовал с фригийскими культами Кибелы и Аттиса, египетскими - Изиды и Озириса, финикийским - Адониса, иранским - Митры.

Цивилизационный синтез происходил на очень большом пространстве, охватывавшем пеструю массу народов и культур. Здесь соседствовали весьма разнородные традиции, культурные и религиозные практики, мировосприятия. Этот "бульон" служил питательной средой и складом элементов, которые отбирались и комбинировались в структуры нового универсума. Из поражающего воображение разнообразия культурных форм выстраивались новые ответы на вечные вопросы - творились религиозные культы, философские доктрины и культурные практики, отвечавшие новому качеству ментальности - ментальности человека эпохи кризиса античного мира. Имея в виду культ Озириса, М. Элиаде пишет: "Большая популярность египетских мистерий в первые века христианской эры, а также тот факт, что некоторые черты иконографии и мифологии Девы Марии были заимствованы у Изиды, свидетельствует о том, что в ту эпоху существовало подлинное религиозное творчество" [Элиаде, 2002, т. 2, с. 248].

Со II в. до н.э. и до начала христианской эры разворачивается продуктивный поиск альтернативы исчерпавшему себя античному космосу. На смену обветшавшей политеистической мифологии приходят новые сотериологические мистериальные культы, со стороны Ирана продвигаются дуалистические учения, теософы-мыслители работают над новым синтезом религиозных и философских доктрин; отдельные группы ищут выхода из духовного кризиса на путях эзотерического знания (орфики, пифагорейцы, астрологи, носители герметической традиции). Наконец, в непростой и исключительно напряженной борьбе, растянувшейся более чем на три века, побеждает христианство. Новой религии противостояли не столько прежние верования, сколько альтернативные варианты религиозного и культурного синтеза, сформированные в близкую эпоху и утверждавшиеся в римском обществе параллельно христианству, - такие как культ Митры.

На пути от узкой секты к мировой религии христианство пережило глубочайшую эволюцию. Апокалиптическая секта, возникшая внутри иудаизма и жившая в страстном ожидании "конца истории", иными словами, предельно противопоставлявшая себя "миру сему", государству и цивилизации, превратилась в важнейший социальный институт, опору государства, средоточие высокой культуры, которая сформировала мощную, динамичную цивилизацию, существующую тысячелетия и охватившую половину земного шара.

Для этого христианству пришлось выйти за рамки еврейского народа, долгое время являвшегося почти исключительным его носителем, и превратиться в религию всего населения империи, без различия рода и племени. Из религиозных упований "маленьких людей", замкнуто живущих на периферии огромного государства, оно в IV в. стало религией всего римского общества, в том числе (а может быть, в первую очередь) политической и интеллектуальной элиты. Новые функции требовали иного культурного наполнения. Христианство трансформировалось таким образом, чтобы стать приемлемым для человека, воспитанного в лоне античной цивилизации. Отрицая или порицая отдельные институты и культурные практики (рабовладение, театр, состязания гладиаторов), христианство восприняло культурное наследие античности.

Адаптация к обществу, социально и политически структурированному идеей римского права, в рамках цивилизации, ментальность которой была пронизана дисциплиной философской мысли, не прошла для утверждающейся религии бесследно. В христианскую культуру вошли правовое сознание и систематизирующая философская мысль. Христианству пришлось создать универсальную символику и мифологию, сформировать вселенский религиозный язык. Такая задача требовала ассимиляции множества архетипических элементов, структур, символов, присущих народам, оказавшимся в поле христианской проповеди. Все это облегчало работу миссионеров, делало христианство узнаваемым, заставляло резонировать души новообращаемых язычников.

Наконец, христианство создало эффективную церковную организацию, преодолело центробежные тенденции, выстроило догматику, отработало многообразные формы ритуала, сформировало собственную интеллектуальную элиту, взяло в свои руки институциональные формы образования, а в эпоху краха римского государства превратилось в единственного хранителя цивилизационной самоидентичности, исторической памяти и наследия высокой культуры.

Речь идет о гигантской интеллектуальной, социальной и политической работе. Ее суть - цивилизационный синтез. Синтез большой традиции творился усилиями массы, слабо поддающейся обзору и анализу. Это были христианские писатели-апологеты, практики и администраторы церкви, интеллектуалы, философы и правоведы, чиновники, правители и т.д. Помимо статусных людей, иерархов церкви, в становлении традиции участвовали и прихожане - сотни тысяч безвестных граждан, осваивавших, интерпретировавших и воспроизводивших актуальную для них культуру. Они собирали ее, как могли, выстраивали ее элементы в более или менее непротиворечивое единство. Так шаг за шагом складывался континуум европейской культуры.

По мере превращения церкви в мощный социальный институт, охватывавший все общество, срастания ее с государством и образования христианской империи, синтез ядра христианства разрастался, охватывая весь универсум самопроявлений человека, инкорпорируя все сферы и аспекты социальности и культуры. Синтез церковной доктрины дополнялся синтезом церковной культуры. Параллельно разворачивался синтез христианского образа жизни. Так происходило формирование цивилизации. Становление цивилизационного целого фиксирует такую ситуацию, когда по любому мыслимому поводу существует позиция идеологической инстанции, выражающей ценности культуры. Христианские авторитеты формировали резольтивное суждение - принять, ограничить, трансформировать, отторгнуть, подавить, уничтожить, табуировать к осознанию, упоминанию и обсуждению, инкорпорировать, параллельно трансформировав (переназвав) и завуалировав это обстоятельство от наблюдателей и т.д.

Синтез - органическая потребность культурного сознания. Человек либо живет в более или менее целостной культуре, данной ему от рождения, либо формирует ее заново, если эта культура по каким-то причинам рухнула, исчезла, перестала быть эффективной стратегией бытия. Подобный синтез идет по всем направлениям, как осознанно, так и стихийно. При этом отношение к наличному культурному материалу носит избирательный характер. Синтез новой социокультурной целостности берет нечто из исходного "бульона", что-то трансформирует и приспособливает к себе, а иное отбрасывает. Кроме того, он борется не на жизнь, а на смерть с конкурирующими, параллельными вариантами. В рассматриваемой ситуации все происходило именно так. Борьба с культурой языческого прошлого и конкурирующими религиозными альтернативами прежде всего предполагает размежевание культурных традиций. Оно было исключительно важным моментом в идеологизированном сознании эпохи.

Так рядом с побеждавшей версией христианской ортодоксии формировалось *вне-ортодоксальное культурное пространство*. В эту сферу попадали и вся феноменология язычества, и ереси, и любые идеологические конкуренты христианской парадигмы. Вначале речь могла идти об одном из разделений внутри культуры римского общества, актуальном прежде всего для христиан. Однако по мере вызревания христианского универсума ситуация изменялась. Параллельно формированию христианского целого происходило выделение, складывание в некоторую целостность "фона", всего того, что оказывалось за рамкой "фигуры". Затем, по мере конституирования большой традиции, разворачивалась самоорганизация этого "фона". Не попадающие в универсум ортодоксии идеи, субкультуры, традиции, институты и культурные практики противопоставлялись по отношению к утверждающемуся универсуму как нечто иное, не переваренное в ходе синтеза и исторгнутое во внешнее пространство. Рост объема ортодоксального универсума, повышение его культурного статуса и утверждение в начале в качестве одной из легитимных, а затем и как единственной освященной государством доктрины, меняли культурный статус неортодоксального содержания культуры. Все неортодоксальное интегрировалось в целостность как иное и противостоящее истине.

Политическая и духовная победа христианства автоматически формировала целостность неортодоксального и антихристианского. Миланский эдикт о веротерпимости Константина и Лициния 313 г. и эдикт Феодосия "Да сгинут суеверия" 391 г., запрещавший язычество, маркируют этапы утверждения христианства. Формирование христианского мира как целостности с необходимостью задает целостность внехристианского культурного пространства. Таковы законы культуры. Каждую из этих сущностей ждет долгая судьба. Последовательно интегрируясь и развиваясь, реагируя на бесконечные вызовы истории, они пребывают в диалектическом единстве. Это и есть два самостоятельные потока, доминирующий и альтернативный ему субдоминантный, присутствующие в целом европейской культуры. Выделенные мной сущности нуждаются в маркировке. Обозначив доминирующую в христианском мире парадигму "большой" традицией, а ее культурного оппонента - "малой" традицией, можно исследовать диалектику этих внутренних моментов христианского целого.

Проблемы и направления изучения малой традиции культуры

На пути анализа малой традиции христианской культуры стоит мощная аберрация, задаваемая самой "врожденной" нам культурой. В то время как целостность (континуальность, жизнеспособность) большой традиции вряд ли вызовет у кого-либо возражения, феномены малой традиции рассматриваются, как правило, разрозненно. Авторы могут их определенным образом группировать: вести речь о гностической традиции или эзотерике, рассматривать историю ересей и тайных орденов, устанавливать преемственность идей и символов, но видение всего названного пространства как единой, живой целостности в доступной нам литературе отсутствует.

Однако впечатляющий по объему массив материала, объективно представляющий малую традицию, свидетельствует о мощи и целостности рассматриваемого явления.

Носители этого типа сознания знали друг друга и умели находить общий язык. Принадлежность к различающимся сектам, группам и течениям не мешала им осознавать свою близость. Культурная и психологическая схожесть, статус изгоев, противостояние доминирующей государственной и религиозной машине, вообще говоря, объединяют накрепко. Носители неортодоксальных мыслей и представлений постоянно черпали идеи как друг у друга, так и из общего для них наследия малой традиции. Они отчетливо осознавали свою преемственность относительно идейных течений, отстоящих далеко во времени и пространстве. Между тем для внешнего наблюдателя малая традиция предстает массой разнородных, изолированных феноменов. Данная аберрация *задана большой традицией*, дезонтологизирующей и профанирующей традицию малую, а также драматической историей их взаимоотношений. Известный в теории спора "аргумент к городовому", с которым представители большой традиции зачастую обращались к носителям малой, слишком часто оказывался не пустой фразой.

Здесь мы сталкиваемся с одной из *универсалий культуры*. Дело в том, что всякая целостная культура любого ранга - будь то субкультура достаточно замкнутой группы, традиционная культура некоторого народа или локальная цивилизация в обязательном порядке смещают познавательную и ценностную перспективу, представляя себя собственно культурой, единственно возможной, культурой по преимуществу, за рамками которой "разверзается хлябь" внешняя и открывается внекультурное пространство. Всякая культура есть модус, представляющий себя субстанцией [Яковенко, 2004].

Одержав окончательную победу, большая традиция отказала малой в качестве бытийствующей и в статусе равной себе сущности. Равной хотя бы в отношении ранга, с точки зрения систематики. Латинское слово "секта", изначально обозначавшее школу, направление, обрело смыслы отщепления, отторжения, выхода из целостности. В культуре победила установка, согласно которой агент, символ или элемент культуры, приобщившиеся малой традиции, выпадают из бытия, утрачивают онтологию. Здесь мы впадаем в богословские хитросплетения, заданные в христианстве задачей противостояния манихейству и дезонтологизации сферы Зла.

Кроме того, агенты малой традиции были вынуждены маскироваться, часто выдавали себя за периферийное явление в рамках большой традиции, или же работали для узкой аудитории "своих", создавали "двуслойные" тексты, в которых присутствовал пласт, доступный лишь посвященным. В том случае, когда понятие "традиция" или "движение" обретают идеологическое наполнение, возможны мощные аберрации, препятствующие познанию. Так, добропорядочный советский человек брежневской эпохи, не обремененный пытливостью ума, мог ничего не знать ни о "самиздате", ни о "тамиздате", ни о Хельсинкской группе. Диссиденты и создаваемые ими произведения представляли в его сознании как ничтожно малая и разрозненная совокупность артефактов.

Альтернативы христианству не угасли с полной победой последнего и не могли исчезнуть в силу целого ряда непреодолимых обстоятельств. Большая и малая традиции различаются не только идеологически, в содержательном отношении, но и по общекультурным, стилевым, психологическим характеристикам. Они апеллируют к разным сторонам человеческой личности и предполагают различающуюся базовую аудиторию. Так, малой традиции более свойственно доминирование *синкретической* тенденции. Большой - доминирование тенденции *аналитической*. Победа большой традиции задавалась, в том числе, более высоким уровнем аналитичности, системности, логической выстроенности христианства по сравнению с его альтернативами. Вообще говоря, аналитическое и синкретизирующее начала присутствуют в культуре постоянно. В разные эпохи и в разных культурах варьируется их соотношение. Потребность в сохранении синкретизиса коренится в человеческой природе и составляет одну из сторон всякой культуры. Аналитичность большой традиции - качественная характеристика, заданная логикой всемирно-исторического процесса. Она выступает условием создания цивилизации Осевого времени.

В доосевую эпоху диалектика этих начал разворачивалась при условии доминирования синкретизации. Становление мировых религий фиксирует перелом. Аналитическое

начало, дробящее исходный палеосинкретизм, становится доминирующим, но противостоящая ему интенция не исчезает. Как отдельные люди, так и социальные группы, тяготеющие к синкретическому, во все времена оказываются повышено чувствительны к феноменам малой традиции.

Есть и такой феномен, как несомасштабность любых моделей Универсума самому объекту моделирования. Ни одно из систематизированных описаний Вселенной: религиозное, философское, идеологическое или научное, будь оно целостно выстроенным на основании четких постулатов и фиксированных логических процедур либо является результатом синкретического соединения разнородных представлений, - не может удовлетворить всю совокупность экзистенциальных потребностей человека в истине о мире. И человек, и Вселенная шире любой доктрины. В силу этого фундаментального обстоятельства малая традиция с *необходимостью дополняет* большую.

Среди факторов, задававших существование малой традиции, - монотеистическая природа христианской цивилизации, наделявшая христианство статусом государственного культа. Речь идет не о каких-либо органических пороках христианства, а о неизбежных последствиях статусной трансформации на путях от узкой секты к мировой религии. Переход некоторой религиозной (идеологической) доктрины с локального на общегосударственный уровень несет в себе необратимые изменения. Превращаясь в государственный культ, и религиозная система, и община верных трансформируются. Вера рутинизируется, церковь превращается в большой социальный институт. Мотивы массового обращения все более утрачивают идеальную составляющую и обретают конформистские измерения. Эти обстоятельства порождают цинизм, неверие в декларируемые ценности, злоупотребления. Свободный выбор религиозной истины постепенно, но неотвратимо сменяется принуждением. Наряду со всеми этими печальными обстоятельствами, внутри государственного культа есть место и искренней, живой вере, но только как одному из его элементов. Прежде всего в этом и именно в этом отношении маргинализованные, гонимые секты, группы и учения выгодно отличаются от государственных исповеданий¹.

Веками, если не тысячелетиями, малая традиция являла собой альтернативу доминирующему культу. Секты и идейные движения, противостоящие истине, провозглашаемой от имени государства, всегда собирают в свои ряды людей с особым темпераментом. Накал страстей там выше; конформистские мотивы и другие приводящие обстоятельства, порождаемые как природой человека, так и природой социальности выражены существенно слабее. В институтах малой культуры есть свои пороки - сектантская узость, фанатизм. Но есть и свои достоинства. Люди, примыкающие к проигравшим и маргинализованным учениям, более открыты идеальным мотивам. Они не столько озабочены своим обустройством здесь и сейчас, сколько думают об обустройстве жизни вечной. Потребность в альтернативе истине, доминирующей в обществе, существует всегда. Всегда находятся люди, готовые связать свою жизнь с поиском, сохранением и утверждением этой альтернативы.

Исчерпавшее себя старое качество никогда не угасает в истории сразу. Что же касается альтернатив победившей тенденции, то они, как правило, уходят в подпочву культурной жизни, претерпевают специфическую эволюцию и актуализируются при первой возможности. Важно подчеркнуть: малая традиция не сводится к совокупности фрагментов древних культур, отдельных представлений, верований. Эти сущности стадияльно предшествовали христианству и в новых условиях утратили жизнеспособность. Системное ядро элементов малой традиции - проигравшие христианству в исторической конкуренции альтернативные варианты религиозного и культурного синтеза. В основе малой традиции - активные мировоззренческие комплексы и эффективные культовые

¹ Содержательно государственная религия или идеология может быть несравненно лучше, возвышеннее, реализовывать стадияльно более продвинутые идеи и ценности, нежели конкретная гонимая секта. Но это не снимает психологических преимуществ, вытекающих из статуса гонимых.

практики. Будучи немногим старше христианства, проиграв в историко-культурной конкуренции, оказавшись оттесненными на периферию, они сохранили жизненную силу. Они не обнаруживали желаний умирать, ибо работали, были эффективны и жизнеспособны, отвечали экзистенциальным потребностям людей. По крайней мере, некоторой части общества.

Гностическая компонента малой традиции

Так, гностическая компонента мировосприятия лежит среди самых распространенных идей в системе малой традиции. Говоря об эпохе утверждения христианства, Элиаде замечает, что "мифологические и философские настроения гностического типа составляли сам *Zeitgeist* эпохи" [Элиаде, 2002, т. 2, с. 251]. Я полагаю, что убежденность в онтологической ущербности мира, видение Зла как неустранимого аспекта бытия, находит, по крайней мере, некоторые основания в природе вещей. Понятно, что эти идеи резко актуализуются в эпохи больших кризисов, но и во времена сравнительно благоприятные почва для гностических переживаний существует.

Другая большая парадигма малой традиции - манихейство. Созданная пророком Мани синкретическая религиозная доктрина конструирует впечатляющую космогонию вечной борьбы двух начал - добра и зла, света и мрака, который именуется также материей. Радикальный манихейский дуализм с момента своего возникновения в III в. по сей день находит последователей. Задаваясь вопросом об источниках успеха манихейства, И. Андреев указывает на то, что оно последовательно решает проблему происхождения зла, в то время как "при монотеизме решение этой проблемы встречает почти непреодолимые трудности" [Андреев, 1995, с. 83]. Именно поэтому гностицизм и манихейство - вечные спутники христианства.

Церковь веками боролась с гностиками и манихеями; часто - не на жизнь, а на смерть. Причем христианская ортодоксия черпала из этого источника образы, идеи и настроения. Конституируя если не исторический, то эсхатологический оптимизм и дезонтологизируя зло, ортодоксальное христианство утверждало, что "мир лежит во зле". Здесь, на пространствах исторического бытия, христианское мироощущение предельно сближается с гностическим. Наше убеждение состоит в том, что финалистский оптимизм христианства обеспечил, в конечном счете, его победу над гностическими течениями. Отторжение мира асоциально. Последовательно пессимистические концепты не только в принципе не могут стать ядром цивилизации, но не могут создать и устойчивую массовую церковь.

Особый пласт малой традиции формировался в процессе конституирования и развития большой традиции из, так сказать, "отходов" или побочных продуктов этого процесса. Формирование ортодоксии шло через отсечение неканонических сакральных текстов (апокрифов), отвергаемых богословских построений, отторгаемых культовых практик и отсекаемых движений (ересей). Все эти феномены несли в себе разные элементы альтернативного универсума. Частично отторгаемые доктрины и практики конституировались в альтернативные христианские учения, локализовавшиеся на периферии христианской ойкумены (монофизиты, несториане). Частично - растворились в общекультурном пространстве, пополняя фонд идей и элементов, из которых веками выстраивалось бесконечное многообразие феноменов малой традиции. К примеру, по мере становления христианской ортодоксии пророчествование как род деятельности и сами пророки осмысливаются в качестве атрибута ветхозаветного прошлого. Пришествие Спасителя снимает как необходимость, так и саму возможность дальнейшего пророчествования. Верующие христиане живут в ожидании единственного подлинно значимого события - Второго пришествия, сроки которого знать никому не дано. Однако люди с пророческим темпераментом появляются постоянно. Соответственно, пророчествование уходит в секты, лежащие за рамками христианской ортодоксии.

Мистика и эзотерика в малой традиции

Эволюция христианства шла по пути *отторжения эзотерического*. Эзотерика, или передача учений и практик путем инициации, предназначенных для ограниченного числа адептов, отмечена во всех великих религиях эллинистической эпохи и рубежа нового времени². Христианство отсекло это направление развития. Эзотерические практики дробили церковь, дестабилизировали ее, размывали богословскую доктрину, давая путь неортодоксальным сектам. Однако практики передачи тайного знания путем инициации глубочайшим образом укоренены в культуре человечества. Идущие из древности формы социализации, такие как "мужской дом", базируются на системе эзотерических представлений. Потребность в эзотерическом, как существенной компоненте сакрального знания, восходящая к глубинам индоевропейской архаики, к Упанишадам и тантре, живет в культуре народов Европы. Потребность в инициационном сценарии присутствует в культуре, и на эту потребность отвечает малая традиция. Тайное знание, посвящение путем инициации несчетно повторяются в текстах и составляют ядро множества практик, относящихся к малой традиции.

Малой традиции присуща синкретическая неразрывность основных топосов. В текстах ее адептов такие священные артефакты, как Ковчег завета - чаша Грааля - Золотое руно - философский камень, объединяются в некотором надрациональном тождестве. Можно привести еще одну цепь взаимоуподоблений на уровне канонических или апокрифических библейских персонажей: Лилит - царица Савская - Мария Магдалина. Здесь царит принцип магического сознания: все-во-всем. Рациональное объяснение конструкций такого рода затруднительно. Можно утверждать, что чаша Грааля или Золотое руно выступают частными модальностями или знаками единой сущности. В данном случае мы сталкиваемся с синкретически-магическим переживанием универсума. Большая традиция отошла от синкретически-магического переживания. В православии оно сохранилось в большей мере, в католицизме - в меньшей. Доктринально, в тенденции протестантизм, выражая стремление к рационализации веры, более других христианских церквей желал освободиться от магии и синкрезиса. Однако в своей практике протестантизм породил религиозные движения и деноминации, в которых синкрезис и магическое представлены ярко и сочетаются причудливо. В целом же цивилизационный синтез, заданный большой традицией, диктует вектор развития, связанный с аналитическим членением исходного палеосинкрезиса и последовательной рационализацией универсума. В этом отношении малая традиция являет собой реакцию на рационализирующийся мир, ибо душа человеческая временами взыскует магии.

В христианском мире никогда не угасали идея и тяга к "целостному знанию". Речь идет о знании, объясняющем мир, удовлетворяющем базовым экзистенциальным потребностям человека и спасающем его. Эта линия духовного развития лежит в русле малой традиции и идет от орфиков и пифагорейцев к гуманистам Возрождения, к Т. Парацельсу и алхимикам. В универсуме еврейской культуры самостоятельное место занимает замечательное порождение еврейского эзотерического мистицизма - Каббала. Попав в контекст христианской культуры, Каббала оказывается среди существенных элементов малой традиции. Религиоведы фиксируют гностическое происхождение многих развиваемых в ней доктрин. Позднее старая гностическая традиция была дополнена элементами средневекового неоплатонизма. Иными словами, Каббала являет собой пример мифологического и, шире, культурного синтеза, разворачивавшегося в XII - XV вв. на территории Испании. Начиная с эпохи Ренессанса, христианские авторы активно обращаются к Каббале, которая, по мнению специалистов, занимает важное место в идейной истории Европы XIV-XIX вв.

² Инициационный сценарий в той или иной форме встречается в ортодоксальном иудаизме и в иудейских сектах, у ессеев, у самаритян и фарисеев.

Каббала - не единственный пример мировоззренческого или мифологического синтеза, разворачивавшегося на пространствах христианского мира в эпоху Средневековья. В то же самое время возникает не менее яркое явление другого порядка - доктрина куртуазной любви и воспевавшая ее поэзия трубадуров. Культу Прекрасной Дамы и не связанной браком любви соответствовала сложная мистико-аскетическая культура. Куртуазная любовь предполагала долгий путь любовной инициации, в ходе которой герой достигал духовного преобразования. По мнению специалистов, в поэзии трубадуров Прованса слышатся мотивы арабской поэзии Испании, прославлявших женщину и внушаемую ею духовную любовь. Из этой традиции вырастает Данте, обожествлявший Беатриче. Сотериологическую функцию любви к женщине провозглашало литературное течение Fedeli d'Amor, подразумевавшее оккультное знание и организацию инициационного типа. Fedeli d'Amor составляли тайное духовное воинство и пользовались "секретным языком", дабы их доктрина не открылась черни.

В это же самое время появляются романы о рыцарях Круглого стола. Романы Артура цикла впитали в себя элементы христианских, гностических, исламских традиций. В этом ряду наиболее примечателен цикл романов о Граале (например, Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха). В романах о Граале формируется собственная мифология, которая насыщена множеством моментов, связанных с процедурой инициации. Герой постоянно ведет поиск волшебных предметов, предполагающих проникновение в мир иной. По мнению Элиаде, романы о рыцарях Круглого стола "утверждают новую мифологию, представляя читателю "священную историю" и образцы поведения, которыми должны руководствоваться рыцари и влюбленные" [Элиаде, 2002, т. 3, с. 99]. До сегодняшнего дня образ Грааля остается среди самых устойчивых атрибутов малой традиции.

Среди культурных феноменов, на пространстве которых большая и малая традиция встречаются драматическим образом, лежит мистическая линия развития культуры. Мистика восходит к представлению о том, что существует до формы, до вселенной, до человека и, естественно, до культуры. Не будем обсуждать онтологический статус мистических практик, однако опыт погружения в глубины невыразимого выводит человека из пространства конвенций, на которых зиждется стабильность социокультурного универсума. Люди мистического склада личности по большому счету асоциальны. Для них неизмеримо более значима иная реальность. С одной стороны, мистики во все времена притягивают к себе людей, а за этой тягой стоит восходящее к каменному веку благоговение простого смертного перед шаманом. Авторитет и харизма сопутствуют деятельным мистикам. С особой силой эта закономерность выразилась в эпоху Средневековья. С другой стороны, мистик неизмеримо внимательнее вглядывается и вслушивается в себя, обращается, скорее, к своему внутреннему опыту, который предстает перед ним как абсолютная и высшая достоверность, нежели к мнениям церковной иерархии относительно догматической чистоты своих суждений.

Вера как экзистенциальный феномен и церковь как общественный институт вырастают из глубин мистического опыта. Однако церковь относится к этому опыту в высшей степени амбивалентно. Она, если угодно, сторонится мистического, стремится мумифицировать его, вогнать в рамки жестких правил и институций, сделать достоянием узкой касты специально допущенных к мистической практике и т.д. Церковные иерархи четко осознавали, что мистический опыт заново создает веру постоянно в любой точке человеческого пространства. Однако конфигурация складывающихся при этом религиозных убеждений абсолютно не подконтрольна церковной власти. Знаменитые мистики самим фактом своего существования утверждали примат духовной иерархии над иерархией социальной. Они демонстрировали истину: человеку доступен самый прямой, непосредственный путь общения с Богом, минуя опосредующую инстанцию в лице церкви. Все это создавало сложные коллизии внутри большой традиции.

Церковь зорко следила за каноничностью теоретических построений мистиков и практикой движений, вдохновляемых мистиками. На самом раннем этапе формирования церкви практиковались так называемые "свободные служения", в рамках которых

экстатические видения были обычным делом. Но далее церковь выдавливая эти формы выражения религиозного чувства, создавала четкий ритуал, искала и находила жестко очерченное пространство, на котором могли развиваться мистические практики, брала на себя функцию тестирования и вынесения вердикта о правоверности этих феноменов. На деятельном Западе отношение к мистикам и созерцателям было настороженно-сдержанное. Еретическим было объявлено учение первого "философа-мистика" на Западе - Иоанна Скота Эриугены. Один из величайших мистиков, Мейстер Экхарт также был обвинен в ереси. Что же касается созерцательного православного мира, то здесь вырастающая из церковного опыта мистика и церковные власти находились в более гармоничных отношениях. На Востоке авторитет монахов-аскетов и созерцателей весьма высок, а сами они были сущностно вписаны в доктринальное пространство и не порождали существенных проблем для иерархии.

За рамками большой традиции разворачивались иные мистические практики и движения. Радикальный мистицизм секты "братья Свободного Духа" (XIII-XIV вв.), порвавшей с церковью и требовавшей растворения человеческой души в Боге, встретил самое жесткое противостояние. "Братьям" грозили костры инквизиции. Дальнейшее развитие этой линии духовной жизни за рамками большой традиции насыщено именами, движениями и событиями. Здесь мы встречаем гуманистов - Джованни Пико делла Мирандола и Иоганна Рейхлина, Теофраста и Агриппу Неттесхеймского, деятеля Реформации Якоба Беме. В ту же эпоху, на другом - католическом - полюсе, в Испании появляется духовное движение "alumbrados", которое порождало как ортодоксов, так и еретиков. Здесь же жили обвиняемый в неправоверии и вплотную столкнувшийся с инквизицией поэт-мистик Хуан де ла Крус и, наконец, Игнатий Лойола, поставивший мистическую практику на службу ордену иезуитов. И далее мистическая линия духовного развития не прерывается. Эпоха рационализма дает Э. Сведенборга. На рубеже XVIII-XIX вв. интерес к мистическому возрождают романтики. В Новое время идеи и запросы мистического характера порождают теософию.

Говоря о низовых формах малой традиции, нельзя особо не выделить языческий комплекс народной культуры. Победа христианской церкви на уровне государства в IV в. совсем не означала отмирания культов и размывания мира языческих представлений. Еще в Риме VII в. проходили языческие празднества. Далее язычество уходит в подпочву народной жизни, частично срастается с христианством, порождая христиано-языческий синкретизм народной культуры, который благополучно доживает до конца Средневековья. Иными словами, более тысячи лет большая традиция мирится с существующей бок о бок с ней малой традицией, представленной в предельно массовых формах. Единственное утешение для идеологов большой традиции состояло в том, что описываемые формы малой традиции были аморфны и социально-политически пассивны. Они не структурировались, не противопоставляли себя христианской доктрине в идейном отношении и не призывали к разрушению существующего социального порядка³.

Магические представления в малой традиции

Пережитки дохристианских религиозных традиций рассеяны на всем пространстве Европы и бесконечно многообразны. Это и идущие от эпохи неолита местные культы, связанные с камнями, водами и растениями. Это и святочная обрядность (колядования), которая, в конечном счете, была христианизована. Это и пережитки обрядов инициации, сохранившиеся в мифоритуальных комплексах празднования Нового года и наступления весны. Самыми яркими и наиболее зафиксированными являются практики и

³ Эти соображения равно относятся и к сфере гностических, а также манихейских представлений. Борьбу на уничтожение с неортодоксальными феноменами большая традиция начинает постольку, поскольку они структурируются, осознают себя как отдельное от остального мира целое и декларируют нелегитимность светской и духовной власти.

представления, попавшие в поле зрения инквизиции. Здесь вспоминается процесс над сектой адептов Дианы Иродиады (Милан XIV в.). Описания показывают, что, вопреки вердикту суда, секта эта не имела отношения к сатанизму, но восходила к архаическим земледельческим культам. Другой пример пережитков культа плодородия, попавших в поле зрения инквизиции, дают материалы процессов над "бененданти" (XVI-XVII вв.). Большая традиция, разворачивая наступление на языческую компоненту христианско-языческого синкретизма, переквалифицировала активных носителей языческого аспекта народной культуры - знахарей, местных колдунов, практиков народной медицины - в слуг Дьявола и развернула с ними борьбу на уничтожение. В результате устойчивые формы включения дохристианских религиозных представлений в мир народной культуры были разрушены. На место более или менее осознанного средневекового паганизма пришли суеверия, приметы и другие пережиточные феномены язычества.

Через всю историю европейской цивилизации проходит достаточно устойчивая традиция оккультизма. Христианство разъединило религию и магию, которые тысячелетия перед этим шли бок о бок. Вообще говоря, систематизированный монотеизм разрывает связь с магией. Ведь создатель Вселенной, а также его пророки и адепты, апеллирующие к Создателю, - выше магии, которая осмысливается как атрибут язычества. Магия же по своей природе - явление человеческого масштаба. За нею стоит идея управления человеком потусторонними силами. Заметим, что магическая способность летать по воздуху была предложена Иисусу Сатаной и с негодованием отвергнута. Магом был Симон Волхв, который летал по воздуху. В этой оппозиции - отношение христианства к магии.

Нельзя сказать, что ортодоксальное христианство начисто освободилось от элементов магического. Пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Христову - по существу магическая процедура. Святые должны совершать чудеса; чудотворение - условие канонизации. Мироточат и творят чудеса чудотворные иконы. Легендарные старцы взглядом зажигают лампы. Экзорцизм (изгнание духов из тел одержимых) может происходить и в стенах церкви. Раз в году, накануне Пасхи, в часовне-кувуклии в Храме Гроба Господня в Иерусалиме, чудесным образом зажигается благодатный огонь. Однако все эти чудесные события своим источником имеют Создателя. За ними не стоят магические потенции некоторых человеческих субъектов либо договоры магов с потусторонними силами. Описанная компонента магического облегчает адаптацию архаического человека в систему христианского космоса. Однако во все времена находились люди, которым на пространствах большой традиции не хватало магического. Они сохраняли древние, дохристианские оккультные практики, инкорпорировали оккультную премудрость Востока, искали синтеза рационального знания и магических представлений. Несмотря на запреты, гадания, магия, астрология, алхимия и другие магические практики постоянно существуют рядом с большой традицией. Оккультные традиции не прерывались и не иссякали на протяжении всей истории христианского мира. Они проходят через Средневековье, оживляются в эпоху Возрождения, сопровождают Реформацию, Просвещение. Магическое парадоксальным образом участвует в формировании экспериментальной науки Нового времени и, наконец, прекрасно уживается в современном мире.

Следует оговориться: выделенные грани или аспекты малой традиции - эзотерика, каббала, мистика, гностицизм, магия и оккультизм обладают свойством взаимопроникновения⁴. В конкретных феноменах и явлениях малой традиции эти линии связаны. Их можно выделять, систематизировать и рассматривать более или менее изолированно лишь в культурологическом анализе. Но других способов познания мерцающе-сливной и синкретически неразрывной реальности культуры нам не дано.

⁴ Причем сам этот список остается открытым. Его нельзя считать ни исчерпывающим, ни единственно возможным. Выделение тех или иных линий или аспектов малой традиции зависит от критериев классификации и оснований деления.

Большая и малая традиция в исторической перспективе

История разворачивания целого христианского мира под углом зрения диалектики большой и малой традиции заслуживает самостоятельного исследования. Самое конспективное изложение этого сюжета требует отдельной статьи. Тем не менее постановка проблемы предполагает обращение к данной теме. А потому будем помнить, что предлагаемая зарисовка не более чем пунктирная линия маршрута, которая помечает лишь некоторые моменты, представляющиеся мне ключевыми, наиболее характерными и важными для понимания природы рассматриваемого явления.

Победа христианства и формирование ортодоксии задавали процессы складывания двух культурных потоков - доминирующего ортодоксального, освященного государством, и внеортодоксального, находящегося в разных соотношениях с доминирующей линией социально-культурного развития христианской ойкумены. Интегрируясь, внутренне оформляясь и самоопределяясь, эти культурные потоки сформировали две устойчивые традиции.

Обобщая и несколько огрубляя образ реальности, можно говорить о единой целостности христианского мира. Изначально этот мир и был целостным. Однако становление христианской цивилизации привело к усложнению картины. Христианство разворачивалось как на западе, так и на востоке Средиземноморья. При этом сущностные характеристики складывающегося цивилизационного синтеза и исторические судьбы западного и восточного христианства расходятся. Дивергентное развитие католического и православного миров закономерно привело к расколу церквей в 1054 г. Теологические и обрядовые противоречия, копившиеся в римской и константинопольской церквях в течение столетий, оформляли дивергенцию ментальности их адептов. Не менее существенным было расхождение их исторических судеб.

На Западе империя пала, но цивилизация сохранилась. Темные века снимают проблему большой и малой традиций. Она не просматривается в скудных источниках, да и актуальность этого противостояния хотя бы на время утрачивается. И большая, и малая традиции - феномены, присущие зрелой цивилизации. Варваризация Западной Европы разрушает условия существования этих форм цивилизационной рефлексии. Большая и малая традиции возрождаются как две самостоятельные сущности с XI-XII вв. К этому времени складываются устойчивые формы феодального общества, Западная Европа выходит из состояния варваризации, оживляется торговля, растут города, заново осваиваются утраченные пласты античного наследия. Одним словом, складывается тот уровень зрелости цивилизационного пространства, когда вписанный в него человек обращается к вечным вопросам и не находит удовлетворяющих его ответов в официальной доктрине.

В темные века (VI-IX вв.) диалектика большой и малой традиции сохраняется только в Византийской империи. Прежде всего на ее пространствах сосуществуют разные формы языческих верований и представлений. В народной культуре культ Диониса, покровителя земледельцев, сохраняется до XII в. В культуре образованного общества языческие идеи долго еще сохраняют свою актуальность⁵. Тем не менее постепенно язычество отступает. Частично языческий универсум смешивается с христианским, рождая христиано-языческий синкретизм. Частично же - он пополняет фонд идей и настроений, которые образуют фундамент малой традиции.

На фоне жесткой христологической полемики и эксцессов эпохи иконоборчества⁶, доктринально оформленная, активная малая традиция воспряла после поражения, свя-

⁵ Характерный, хотя и достаточно экзотический пример "жизни после смерти" мира языческих представлений - византийский придворный X в. Михаил Пселл. Ортодоксальный христианин в своей официальной жизни, Пселл был создателем языческой религиозной системы. Он полагал, что созданное им учение, обнародованное после его смерти, придет на смену православной доктрине.

⁶ Отмечу, что иконоборчество само по себе является идейным движением, истоки которого лежат за рамками европейской ментальности. За борьбой с иконопочитанием стоит тенденция предельного трансцендирования Бога. Эта установка органична для мира ислама и естественна на арабском Востоке.

занного с утверждением христианства, идейно-политической победой над язычеством и победой над ранним христианским гнозисом, а также историческим манихейством. Отстоялась, переструктурировалась и ответила павликианством. Павликиане - манихейское движение с острым социальным и антигосударственным пафосом. Успех его был столь значителен, что павликианам в Малой Азии удалось создать государство, которое, впрочем, просуществовало недолго и было разгромлено Василием I Македонянином. После этого разгрома павликиане более не поднялись. Следующая мощная ересь, сотрясающая идейный покой византийского общества, - богомилство. Эта манихейская секта, возникшая в Болгарии, устояла под натиском государственной власти. Константинополь довольствовался тем, что эти и другие сектанты были выдвинуты на Балканы и существовали на периферии империи (Болгария, Босния).

Крестовые походы, а также общая деградация Византийской империи не столько способствовали диалектике большой и малой традиции, сколько переносили идейную борьбу в плоскость соотношения ортодоксально православной, католической и исламской цивилизационных парадигм. Дальнейшие события развивались более драматично. Крах Византии радикально изменил весь социокультурный контекст поствизантийского общества. Ортодоксальный христианин перестал быть человеком первого сорта. На традиционно православных пространствах османского мира принадлежность к христианству становится формой сохранения национально-цивилизационной идентичности. Альтернатива - "потуречивание", переход в совершенно иной цивилизационный мир. В этом контексте диалектика большой и малой традиций полностью снимается⁷. Что же касается носителей малой традиции, то они первыми переходили в ислам. Так, после завоевания Болгарии и Боснии богомилы, которые традиционно базировались в этих районах, по большей части перешли в ислам.

Вернемся на Запад. Здесь на юге Франции в XII в. мы обнаруживаем катаров - мощнейшее религиозное движение гностико-манихейского толка, идейно преемственное с богомилами. Катары резко противопоставляли себя римской церкви. Церковь ответила в начале XIII в. крестовым походом против ереси. Крестовые поход и войны, длившиеся долгие годы, позволили сломать катарскую церковь, которая реально притязала на власть в Южной Франции (Лангедоке). Имея в виду "альбигойскую ересь" (катаров), можно говорить о религиозно-политической форме малой традиции. На этом фоне в Лангедоке формируются более мягкие альтернативы большой традиции в сфере культуры: развивается провансальская поэзия, формируется культ Прекрасной Дамы, расцветают трубадуры. Покорение Лангедока ознаменовало победу большой традиции над альтернативой, сложившейся в достаточно устойчивую целостность.

С XIII в. в Европе появляются флагелланты. Публичные самоистязания по своему духу - явление восточное. Мы находим его в Древнем Востоке, в исламском мире, в Индии. Движение флагеллантов охватывает Италию, Венгрию, Германию, особенно расцветает в связи с эпидемией "черной смерти" (XIV в.), приобретает эсхатологические черты и отчетливо антицерковный характер.

* * *

В эпоху зрелого Средневековья обнаруживается широкая палитра феноменов малой традиции. Это и религиозные движения, и поэзия, и образ жизни, и романы, и эзотерические практики (алхимия), и инициатические культы. Общая картина дополнялась широчайшим пластом языческих феноменов. Здесь мы встречаем гадалок, магов, прорицателей, придворных шутов как носителей стихии язычества, карнавал как форму вы-

⁷ Для того, чтобы лучше представить себе эту ситуацию, зададимся вопросом: кого, кроме историков культуры, волнуют сегодня перипетии разворачивавшейся в 1960 - 1970-х гг. полемики журналов "Октябрь", представлявшего позицию твердых сталинистов, и "Нового мира", выражавшего позицию осторожных обновленцев, чаявших демократического социализма с человеческим лицом?

ражения языческого мироощущения. Появившиеся к тому времени в Европе цыгане дополняли палитру низовой языческо-магической стихии. Языческая по своему существу низовая народная культура опиралась на широкий слой профессионализованных носителей. Они брали на себя врачевание, предсказание судьбы, психотерапию в сложных жизненных ситуациях и другие функции. Политическая элита средневекового общества мирилась с этими реалиями. В целом Средние века характеризуются достаточной терпимостью большой традиции к феноменам малой и высоким уровнем синкретической нерасчлененности элементов обеих традиций.

На Средневековье пало если не самое крупное, то наверняка наиболее знаковое явление малой традиции - духовный орден Тамплиеров (1128 - 1307 гг.), созданный в ходе крестовых походов и действовавший как на Святой земле, так и на континенте, прежде всего во Франции. Скудость источников, эзотерический характер ордена, а также окружающая тамплиеров аура мифов и небылиц затрудняет анализ этого явления. Авторы, обращающиеся к теме, по-разному оценивают орден. Одни видят в тамплиерах позитивную силу - создателей европейской цивилизации, другие - силу, противостоящую ядру христианского мира.

С уверенностью можно утверждать следующее: практики инициации, наличие нескольких уровней посвящения свидетельствуют об эзотерическом характере ордена. В идейном комплексе тамплиеров присутствуют храмовое сознание и идея синтеза авраамических культур (христианства, иудаизма и ислама). Тамплиеры не были чужды магии. Будучи на Святой земле, они, очевидно, контактировали с миром ислама, что порождало не просто заимствования, но идейный и культурный синтез. Отмечу, это - не тот синтез, который реализовывала большая традиция. Похоже на то, что тамплиерам было свойственно собственное видение стратегии развития христианского универсума. Мощная и влиятельная организация, закрытая от непосвященных, с претензией на формирование стратегии европейского развития, не встраивалась в пространство большой традиции. В этом отношении разгром ордена знаменовал очередную победу большой традиции над институтом, переживающим эволюцию в направлении традиции малой.

Трагическая и загадочная история тамплиеров породила устойчивый интерес, который со временем вылился в особую мифологию. Масоны, розенкрейцеры и другие феномены малой традиции, возникшие в Новое время, соотносят себя с тамплиерами, включают их в мифические родословные своих движений, выстраивают себя под тот образ тамплиеров, который сложился в литературе.

Закат Средневековья освещается фигурами и явлениями, выходящими за рамки большой традиции. Экуменический пафос Николая Кузанского, призывавшего к объединению религий и находившего основания для диалога с представителями других конфессий, или замешенный на гностических идеях антицивилизационный и антигосударственный пафос таборитов, сочетавшийся с предвосхищавшим Новое время требованием религиозной свободы и терпимости, - эти и другие явления позднего Средневековья предвещали самые радикальные перемены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев И. Д. Манихейство // Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 т. Т. 2. М., 1995.

Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3 т. М., 2002.

Яковенко И. Г. Человек и культура: диалектика взаимодействия (к постановке проблемы) // Пространство жизни субъекта. Единство и многомерность субъектнообразующей социальной эволюции. М., 2004.